

Созерцание журавлей

Шэнь Мэнчжэнь, слушая дома пение, был удивлён визиту Фан Цзысина.

— С чего это ты сегодня свободен? Почтенному господину лучше? Я собирался завтра вновь его навестить.

Фан Цзысин протянул ему приглашение.

— Я с добрыми вестями. Завтра наследник князя Цзин устраивает пир в честь созерцания журавлей. У меня дела, пойти не смогу, но я обещал молодому князю Сюю порекомендовать вместо себя друга.

Шэнь Мэнчжэнь взял приглашение, открыл его.

— Пир у наследника князя Цзин? С каких это пор ты водишься с этими бездельниками? Я помню, он совсем ещё юн, при дворе не служит. Приглашённые, должно быть, такие же молодые повесы. Хоть это и развлечение, но нам с ними не по пути. К тому же, я слышал, в науках он полный профан. Это «созерцание журавлей», несомненно, обернётся варварством, достойным сожжения цитры ради варки журавля. Ничего интересного.

— Я завтра на службе, — ответил Фан Цзысин. — А молодой князь Сюй так настойчиво приглашал, что отказать было неудобно.

— Я, как-никак, чиновник четвёртого ранга, а ты предлагаешь мне идти на пир к этому юнцу?
— Шэнь Мэнчжэнь бросил приглашение. — Ах, я вспомнил! Это ведь тот самый чудак, что не так давно за сто тысяч лянов серебра титул для матери купил. Вся столица потешалась. Только в Министерстве общественных работ, получившем даром десять тысяч, улыбались до ушей. А наше Министерство ритуалов стало посмешищем. Все спрашивали, почему титул вышел от нас, а деньги получило другое ведомство. Некоторые даже приходили с серебром, втихую допытываясь, можно ли ещё купить! Просто невиданно!

Фан Цзысин тихо кашлянул, поднял приглашение.

— Завтра молодой князь Сюй принимает наследника князя Шунь. Ему не хватало достойных гостей для компании, вот он и обратился ко мне.

— Что? — холодно усмехнулся Шэнь Мэнчжэнь. — Он не в своём уме? Тебя просить в компанию? Этот Се Фэй, молодой князь, говорят, человек высоких моральных качеств, ценитель искусств и уважает учёных мужей. Но если он снисходит до общения с молодым князем Сюем, то, боюсь, лишь ради денег.

— ...

Фан Цзысин снова кашлянул и, приняв серьёзный вид, произнёс:

— Устный указ Его Величества: Шэнь Мэнчжэню предписывается явиться на пир. У меня есть для него способный ученик, пусть завтра выберет его себе сам.

Шэнь Мэнчжэнь замер, затем выпрямился и, опустив руки, произнёс:

— Подданный Шэнь Мэнчжэнь с почтением принимает указ.

Только тогда Фан Цзысин снова протянул ему приглашение.

— Это воля императора. Ступай и не перечь ему снова... О, вольный поэт, когда же ты изменишься? Был учеником Сына Неба, талантом из академии Ханьлинь, а тебя разжаловали в мелкие чиновники Министерства ритуалов. Неужели до сих пор не раскаялся?

Лицо Шэнь Мэнчжэня помрачнело.

— Неужели император хочет, чтобы я наставлял Се Фэя, молодого князя?

— Воспользуйся этой возможностью, — с участием сказал Фан Цзысин. — По крайней мере, император всё ещё ценит твою учёность.

— ... — Шэнь Мэнчжэнь вдруг схватил Фан Цзысина за руку. — Брат Цзысин, мы дружны с детства, скажи, в чём причина? С моей-то дурной славой — и учить члена императорского клана? Разве их не наставляют учёные мужи из Высшей школы? — он вдруг всё понял. — Неужели император хочет погубить его чужими руками? Заставить меня развратить молодого князя? Послушай, если я его испорчу, князь Шунь же первый с меня голову снимет!

— Просто иди и не думай лишнего, — со смешанными чувствами ответил Фан Цзысин. — Император — человек чести. А ты рано или поздно заплатишься за свой язык. Иди завтра. — Он ещё несколько минут успокаивал Шэнь Мэнчжэня, но, как всегда, не проронил ни слова по существу.

Шэнь Мэнчжэнь, в полном смятении, снова и снова рассматривал приглашение. На следующий день он, как и было велено, распорядился, чтобы управляющий приготовил в подарок набор печатей из цинтяньского камня, и отправился в загородную усадьбу Байси у горы Оленьи Рога. Гора получила своё название за две изящные, изогнутые вершины, напоминавшие оленьи рога. Уже издали с горной дороги были видны несколько водопадов, низвергавшихся со склонов в глубокие озёра — зрелище было весьма впечатляющим.

По мере того как Шэнь Мэнчжэнь продвигался вглубь гор, его взору открывались живописные пейзажи: среди россыпей камней струились ручьи, их берега были покрыты травами и цветами, а вдоль дороги росли деревья кассии, персика, сливы и магнолии. Весенняя зелень радовала глаз, а нежно-розовые цветы персика создавали атмосферу пробуждающейся природы. Его раздражение и дурное настроение постепенно улеглись под щебет иволги и журчание воды. Он подумал, что, в конце концов, это поручение императора. Жизнью нужно наслаждаться, пока есть возможность. Всего-то и дел — пировать, слагать стихи, слушать музыку. О чём беспокоиться? В крайнем случае, всегда можно уйти в отставку!

С этой мыслью он успокоился и в одиночестве, верхом на коне, подъехал к воротам усадьбы Байси. Там его уже встречал расторопный управляющий, который, отдавая распоряжения конюхам, с радушной улыбкой спросил:

— Осмелюсь спросить, как величать гостя? Я доложу хозяину, чтобы он вышел вас встретить.

Шэнь Мэнчжэнь, прибывший один, без единого слуги, отметил про себя, что управляющий, несмотря на это, держится учтиво и гостеприимно, без малейшего намёка на пренебрежение. Он передал ему приглашение и шкатулку с подарком.

— Моя фамилия Шэнь, я друг Фан Цзысина.

Управляющий поспешно принял их обеими руками и передал стоявшему рядом юноше-слуге, который тут же бегом скрылся внутри. Затем управляющий с поклоном проводил гостя к мягкому паланкину. Четверо слуг подняли его и пронесли ко вторым воротам, где Шэнь Мэнчжэнь уже встречал юноша в тёмно-зелёном шёлковом халате с круглым воротом и узором из цветов. Он улыбался, глаза его сияли, как жемчужины, а весь облик был исполнен благородства.

И это тот самый недалёкий транжира, молодой князь Сюй Чунь? — изумился про себя Шэнь Мэнчжэнь.

Сюй Чунь, в свою очередь, с удивлением разглядывал друга старшего брата Фана. Этому господину Шэню на вид было под сорок. Худощавый, но стройный, с красивым лицом и непринуждёнными манерами. Когда он сходил с паланкина, полы его халата изящно ниспадали, создавая образ вольного журавля среди облаков. Сюй Чунь был очарован и, подойдя ближе, низко поклонился.

— Приветствую вас, друг старшего брата Фана. Сюй Чунь рад вашему визиту.

— Шэнь Мэнчжэнь, — поклонился в ответ тот. — Цзысин сказал, что молодой князь сегодня здесь любит журавлями. Он не смог прийти, и я осмелился явиться один, чтобы не отказать в любезности.

— Друзья старшего брата Фана, несомненно, люди выдающиеся и учёные, — поспешно ответил

Сюй Чунь. — Ваше присутствие — честь для моего скромного дома. Прошу вас, господин Шэнь, проходите.

Шэнь Мэнчжэнь, видя, что его имя не вызвало у юноши никакой реакции, понял, что тот действительно его не знает. Идя рядом, он с улыбкой заметил:

— Если это место — скромный дом, то в Поднебесной мало что достойно внимания.

— Ваша похвала — лучшая награда этим прекрасным горам и водам, — улыбнулся Сюй Чунь.

— Молодой князь Сюй сильно отличается от того, что о нём говорят, — снова заметил Шэнь Мэнчжэнь.

— Что до меня тысячам людей в этом мире? — беззаботно ответил Сюй Чунь. — Прошу вас, господин, сюда. Наследник князя Шунь уже прибыл, я вас представлю.

Пройдя вторые ворота, они оказались в просторной галерее. Резные перила и цветочные стены были инкрустированы цветным стеклом, строения — изящны, а деревья и цветы росли в живописном беспорядке. Вдоль галереи, повторяя изгибы скал, струился горный ручей. Вдалеке виднелись павильоны, а горный ветер доносил прохладу ручья. Несколько диких белых птиц отдыхали среди камней, создавая картину естественной гармонии, без малейшего намёка на искусственность. Из одного из павильонов доносились звуки цитры и флейты — мелодия была чистой и прекрасной. Вкус хозяина пира был весьма изысканным.

Шэнь Мэнчжэнь мысленно одобрил увиденное и проследовал за Сюй Чунем в главный зал усадьбы. Это был просторный павильон с открытой верандой, крытой прозрачной черепицей из цветного стекла, что делало её необычайно светлой. С веранды можно было любоваться ручьём, наблюдать за рыбами или удить. Внутри зала стояло несколько ширм из слюды и перламутра, на которых висели картины — все с изображением журавлей.

Так вот что значит «пир в честь созерцания журавлей», — понял Шэнь Мэнчжэнь и, кивнув, подошёл ближе, чтобы рассмотреть картины одну за другой.

В зале было светло благодаря окнам из цветного стекла, но рядом с картинами дополнительно горели огромные, в руку толщиной, свечи. За каждой свечой стояло зеркало, отражавшее свет, так что все полотна были освещены идеально, до мельчайших деталей. Шэнь Мэнчжэнь рассматривал картины: журавли, гуляющие под соснами, парящие в небесах, собравшиеся стаей у озера, летящие в одиночестве.

Была здесь и знаменитая картина «Благовещие журавли». Стая журавлей, словно облако или туман, летела по лазурному небу — зрелище было дивное и прекрасное. Он подошёл рассмотреть её поближе и понял, что это копия. Но копия превосходная: лазурное небо было особенно ярким, белая краска на телах журавлей слегка переливалась перламутром, а их чёрные глаза блестели, как живые.

Его взгляд загорелся, и он замер перед картиной. Сюй Чунь, заметив его интерес именно к этому полотну, с улыбкой сказал:

— Господину тоже нравятся «Благовестие журавли»? Это, правда, копия.

— Оригинал хранится во дворце, я видел его однажды. Смелая композиция, гармония движения и покоя, изысканный и утончённый стиль, а краски — просто бесподобны, — раздался голос сзади.

Сюй Чунь обернулся и увидел, что из-за ширмы вышли Се Фэй и несколько его спутников: Лю Шэн, Ли Сяньюй, Шэн Чанчжоу и другие. Он с улыбкой поклонился.

— Молодой князь, позвольте представить, это господин Шэнь Мэнчжэнь...

Шэнь Мэнчжэнь поклонился. Глаза Се Фэя блеснули.

— А, так это знаменитый своим поэтическим даром и любовью к вину господин Шэнь. Давно слышан.

Господин? — удивился Сюй Чунь. Стоявший рядом с Се Фэем господин Ли холодно хмыкнул.

— Господин Шэнь, как я погляжу, ведёт обширное знакомство. Учёные мужи, известные актёры, певицы и танцовщицы — со всеми на короткой ноге. Весёлые кварталы и публичные дома — везде свой человек. Даже на этот скромный пир в горах умудрился попасть.

Шэнь Мэнчжэнь, узнав господина Ли, изменился в лице и с усмешкой ответил:

— А я-то думаю, кто это! Если бы я знал, что здесь канцлер Ли, я бы ни за что не пришёл, чтобы не оскорблять ваш взор. Интересно, как продвигается ваше покаяние дома, канцлер?

Лицо Ли Мэйя помрачнело. Се Фэй поспешил вмешаться.

— Я сегодня был приглашён, слышан, что молодой князь Сюй собрал немало знаменитых картин, вот и пригласил канцлера Ли с собой, чтобы вместе их оценить. Раз уж нам посчастливилось встретить господина Шэня, который, как я слышал, обладает обширными познаниями и талантом в каллиграфии и живописи, то это прекрасная возможность для дружеской беседы об искусстве.

Се Фэй, человек высокого ранга и к тому же приятной наружности, говорил так лестно, что Шэнь Мэнчжэню стало неудобно продолжать нападки на Ли Мэйя. Он лишь поклонился в ответ.

— Молодой князь преувеличивает. Я тоже слышал, что у молодого князя Сюя есть несколько старинных картин, и по рекомендации друга пришёл их посмотреть.

Сюй Чунь поспешил представить всех друг другу. После обмена приветствиями он задумался. Когда молодой князь приехал с Ли Мэйя, он не представил его должным образом, назвав лишь господином Ли. Теперь стало ясно, что все они — люди со статусом. Он проводил гостей в главный зал, приказал подавать чай и закуски, а сам, улучив момент, подал знак Лю Шэну и, выйдя, тихо спросил, кто такие эти «господин Ли» и «господин Шэнь».

Лю Шэн, как всегда, был в курсе всех новостей.

— Мой юный князь, кто бы мог подумать, что ты пригласишь таких важных особ! О Ли Мэйя и говорить нечего. Выходец из бедной семьи, сдал экзамены, вернул себе родовую фамилию после того, как его мать снова вышла замуж. Прямолинеен, неподкупен, первоклассный талант. Самый молодой великий канцлер в кабинете министров! Недавно чем-то разгневал императора, и тот велел ему сидеть дома и размышлять над своим поведением. Весь двор теперь ждёт, что будет дальше, ведь император всегда ему благоволил.

— А другой, господин Шэнь, — тот действительно знаменит. Он сдал экзамены двух ступеней, происходит из знатной семьи, его отец был канцлером, а бабушка — княжной. Но, увы, все они умерли, и род его пришёл в упадок. Оставшись один, без присмотра, он с юности прославился как вольный и необузданный поэт. Говорят, он обладает выдающимся талантом в литературе и живописи, а также сведущ во многом другом: играет в шахматы, в мяч, любит петь в театре и даже иногда выступает на домашних сценах.

— Похоже, он и впрямь вольный и талантливый поэт, любящий вино и развлечения, — с улыбкой заметил Сюй Чунь.

— Именно! — подтвердил Лю Шэн. — Благодаря своему таланту он занимал почётную должность академика-лектора в академии Ханьлинь. Но канцлер Ли, ещё до своего возвышения, когда служил в цензурате, не выносил его и, кажется, подал на него жалобу за распутное поведение, порочащее нравы. Ты же знаешь, наш государь — человек строгий и серьёзный, ценит чиновников скромных и деловых, а легкомыслия и ветрености не терпит. Вот он и разжаловал его в мелкие чиновники Министерства ритуалов, говорят, лично приказал ему «изучать ритуалы».

— Вот оно что... — протянул Сюй Чунь.

— Ну да. С тех пор они и враждуют. На пирах в столице всегда заранее узнают, кто приглашён, чтобы не столкнуться их вместе...

Сюй Чунь задумался. Лю Шэн добавил:

— Не знаю, как тебе удалось их собрать. Я бы на твоём месте держался от него подальше. Ведь

главный гость сегодня — молодой князь, а канцлера Ли он привёл с собой. К тому же, канцлер Ли — человек дела. Хотя он и разгневал императора, но его лишь временно отстранили от дел, без всякого наказания. Император по-прежнему ценит его и скоро вернёт на службу. Тебе лучше его не злить. Он человек упрямый, прямой и неподкупный. За эти годы он погубил немало знатных вельмож и даже членов императорской семьи.

Господин Шэнь — друг старшего брата Фана, а значит, и друг Девятого братца, — подумал Сюй Чунь. — Если судить по близости, то господин Шэнь мне ближе. Значит, я должен быть на его стороне. Но вслух он ничего не сказал, лишь улыбнулся и пошёл отдавать распоряжения управляющему насчёт подачи блюд.

Вскоре служанки, словно ручей, потекли в зал, неся яства. На длинных столах появились сотни изысканных блюд, редкие вина. Когда Сюй Чунь вернулся, он увидел, что Шэн Чанчжоу рассказывает о заморских товарах, обычаях провинции Минь, торговле и нравах.

Се Фэй, очевидно, был очень заинтересован и задал несколько вопросов. Сюй Чунь, вспомнив недавний разговор, с улыбкой вмешался:

— Если молодому князю интересно, я могу попросить двоюродного брата прислать в вашу резиденцию несколько заморских диковинок. Мой брат как раз недавно получил звание императорского купца. Он теперь будет часто бывать в столице. Если молодому князю что-то понадобится, достаточно лишь приказать.

— Недавно получил звание императорского купца? — с любопытством спросил Се Фэй. — Интересно, за какую отрасль он отвечает?

— Поставка заморских товаров, — ответил Шэн Чанчжоу.

— Хорошее дело, — одобрительно кивнул Се Фэй. — Говорят, товар ценен не размером, а редкостью. Заморские товары редки, а значит, прибыль велика. А если вывозить наши товары за море... Я слышал, там очень ценят наш фарфор и шёлк. Это может прославить величие нашей державы.

— Молодой князь совершенно прав, — с улыбкой кивнул Шэн Чанчжоу. Но про себя подумал: «Этот молодой князь в сравнении с „Девятым господином“ — небо и земля. Говоря о заморской торговле, обычные люди думают о прибыли и славе державы, а Девятый господин — о благосостоянии народа и процветании на века».

— Уезжая за море, — неожиданно вмешался Ли Мэйя, — молодому господину Шэню следует обратить внимание на семена зерновых. Если удастся привезти выносливые и урожайные сорта, это будет великим благом для всего народа.

Шэн Чанчжоу, услышав, что этот человек говорит то же, что и Девятый господин, проникся к нему глубоким уважением.

— Непременно исполню наставление канцлера Ли, — поклонился он.

— Не стоит, — ответил Ли Мэйя. — Я подвёл государя, теперь отстранён от дел, свободен от службы. Всего лишь бедный учёный, который в прошлом натерпелся голода и знает цену хлебу.

— Канцлер Ли, как всегда, думает о долге. Я же об этом не подумал. Восхищён, восхищён, — улыбнулся Се Фэй.

— «Помогать Сыну Неба, заботиться о народе» — долг кабинета министров, — с сарказмом в голосе произнёс Шэнь Мэнчжэнь. — Мы все можем заботиться о Поднебесной и народе, а вот молодому князю так говорить не пристало.

Все в зале замолчали. Се Фэй, видя прямоу его слов, рассмеялся.

— Господин Шэнь, пощадите меня. Давайте лучше поговорим о живописи! Я считаю, что хоть картина «Благовещие журавли» у молодого князя Сюя и хороша, но видно, что копиист не видел оригинала. Поэтому краски слишком пышные, изящества в избытке, а вот духа недостаёт.

— Молодой князь попал в самую точку, — улыбнулся Сюй Чунь. — Эту картину действительно скопировал я. И видел я тоже копию. Мне так понравились эти сотни журавлей в небе, что я снова и снова пытался их повторить. Это моя лучшая работа, поэтому я и осмелился сегодня выставить её наряду с картинами известных мастеров. Жаль, что оригинал хранится во дворце, и увидеть его нет возможности.

— Картина Хуэйцзуна, конечно, великолепна, — сказал Ли Мэйя, — но как правитель он лишь упивался этими добрыми знаменьями, а все силы тратил не на управление государством, а на кисть и тушь. Печальная участь павшего царства была предreshена с самого начала. И смотреть на это не стоит.

Се Фэй, видя ироничное выражение на лице Шэнь Мэнчжэня, который явно готов был возразить, тихо кашлянул.

— В словах канцлера Ли есть своя правда. Но картины из хранилища академии Хунвэнь не совсем недоступны. Я как раз служу в академии. Каждый год там проводят инвентаризацию и просушивают картины. Иногда приглашают придворных художников для оценки и копирования. Когда придёт время, я приглашу молодого князя вместе поработать над копией, вот и будет возможность увидеть оригинал.

— Благодарю молодого князя за заботу, — поклонился Сюй Чунь.

Но Ли Мэйя, очевидно, не собирался уступать.

— Я давно хотел сказать, — настойчиво продолжил он, — в народе говорят: «Береги одежду — будет одежда, береги еду — будет еда». Сегодняшний пир так расточителен, зал так огромен, а гостей всего несколько человек. Столько еды пропадёт зря. Какое мотовство! Не говоря уже о том, что ради созерцания картин днём зажгли столько свечей. Какая трата! В народе при свете свечечков и отражённом от снега свете читают, стены сверлят, чтобы свет поймать, а вы днём жжёте свечи ради пустой забавы, занимаясь бесполезными вещами. Как это печально!

Лица всех присутствующих помрачнели. Особенно Сюй Чуня, как хозяина, юного и чувствительного. Он тут же покраснел. Шэн Чанчжоу, как человек с многолетним опытом в торговле, встал и, поклонившись, извинился:

— Это моя вина, я не всё продумал. Приехав из Минь в столицу, я надеялся получить императорское поручение и попросил молодого князя устроить пир, чтобы познакомиться с уважаемыми людьми. Я не знаю столичных обычаев и, боясь проявить неучтивость к знатым гостям, немного переусердствовал. Обычно мы не бываем так расточительны. Я сейчас же прикажу убрать свечи и лишние блюда и раздать их крестьянам из соседних деревень.

— Какой же вы прямой и неподкупный, канцлер Ли, — с холодной усмешкой поднялся Шэнь Мэнчжэнь. — Молодой князь привёл вас развеяться, хозяин, боясь проявить неучтивость, изо всех сил старается угодить гостям. В чём его вина? А вы снова решили поправить чужое достоинство ради своей доброй славы?

Лицо Ли Мэйя осталось бесстрастным.

— Крапивник вьёт гнездо в глухом лесу, но занимает лишь одну ветку; слепыш пьёт из реки, но наполняет лишь своё брюхо. Господин Шэнь, целыми днями упиваясь вином и развлечениями, вам бы тоже следовало помнить о бережливости и заботе о здоровье. Знайте, жизнь человека не зависит от лет, она кончается, когда исчерпана его доля!

Шэнь Мэнчжэнь пришёл в ярость. Се Фэй, предчувствуя недоброе, поспешно схватил его.

— Успокойтесь, господа. Канцлер Ли говорит от чистого сердца, хоть и резко, но с добрыми намерениями...

— Тьфу! — сплюнул Шэнь Мэнчжэнь, его лицо исказилось от гнева. — Если бы канцлер Ли был на дворцовом пиру, осмелился бы он так говорить? Нет, он просто издевается над хозяином, у которого нет ни власти, ни положения, чтобы на его фоне выглядеть благородно! Его жажда славы куда сильнее нашей! Вся его репутация справедливого, прямого и неподкупного — лишь ступени, которые он сам себе строит. Я знаю, к чему ты стремишься! Ты пожертвовал всем, отрёкся от родных и друзей, чтобы прослыть одиноким и верным слугой государя, и всё это ради власти и почестей...

Ли Мэйя вдруг поднялся, с непроницаемым лицом отвернулся и, взмахнув рукавами, ушёл.

— Я знаю, к чему ты стремишься! — крикнул ему в спину Шэнь Мэнчжэнь.

Все переглядывались в замешательстве. Лишь вдалеке музыканты, не зная о случившемся, продолжали играть свою тихую мелодию.

— Это моя вина, — смущённо произнёс Се Фэй. — Я приношу извинения молодому князю Сюю от имени канцлера Ли...

— Что вы, что вы, — с трудом улыбнулся Сюй Чунь. — Это мы не всё продумали. Прошу молодого князя и всех господ не гневаться.

Лю Шэн и остальные тоже попытались сгладить неловкость. На какое-то время в зале снова воцарилось веселье, но напряжение не спадало. Выпив ещё по чаше вина, Се Фэй первым поднялся, чтобы откланяться.

Проводив Се Фэя, Лю Шэн, Ли Сяньюй и другие тоже ушли. Лишь Шэнь Мэнчжэнь остался до конца. Он пил вино, пока не охмелел, и с улыбкой обсуждал с Сюй Чунем все картины с журавлями. Только после этого он собрался уходить. Перед уходом он взял Сюй Чуня за руку.

— Молодой князь.

Сюй Чунь, тронутый, подумал, что тот хочет сказать ему что-то важное.

— Говорите, господин Шэнь, — поспешно ответил он.

— Человек без дальновидности... — серьёзно начал Шэнь Мэнчжэнь. Сюй Чунь слушал с благоговением. Шэнь Мэнчжэнь медленно икнул и продолжил: — ...непременно богат.

Сюй Чунь замер. Шэн Чанчжоу рассмеялся.

— Господин Шэнь, какое у вас чувство юмора!

Шэнь Мэнчжэнь громко расхохотался.

— Благодарю за гостеприимство! — крикнул он Сюй Чуню и Шэн Чанчжоу, вскочил на коня и, как и приехал, один умчался по горной дороге.

Эта шутка немного развеяла уныние Сюй Чуня. Он повернулся, чтобы утешить Шэн Чанчжоу.

— Двоюродный брат, не сердись. В столице все такие, чуть что — сразу начинают поучать, ссылаясь на великие истины и правила...

Но Шэн Чанчжоу обнял его за плечи.

— Не нужно меня утешать. В торговле я кого только не видел. В Минь даже мелкий чиновник может поучать нас свысока. Теперь, когда мы получили звание императорских купцов, мы уже стоим твёрже на ногах. А вот тебе, мой юный брат, сегодня пришлось несладко из-за семьи Шэн.

Сюй Чунь почувствовал тепло от объятий брата.

— Мы ведь достигли своей цели, — улыбнулся он. — Похоже, звание императорского купца — это не заслуга молодого князя. Не знаю только, чья. Нужно будет ещё поспрашивать.

— Юлинь, не нужно больше спрашивать, — сказал Шэн Чанчжоу. — Я тут подумал. В столице много влиятельных людей, а ты ещё молод. Если будешь так неосторожно везде расспрашивать, можешь нажить себе врагов. Раз уж это милость небес, будем честно служить. Если у кого-то и были дурные намерения, он рано или поздно сам себя проявит. А пока не стоит суетиться. Будем действовать по обстоятельствам, как в шахматах. Не нужно слишком беспокоиться, главное — поступать по правилам.

— Ты прав, двоюродный брат, — согласился Сюй Чунь.

— Ты сегодня устал, — взял его за руку Шэн Чанчжоу. — Оставайся здесь, в усадьбе, а завтра вернёшься. Я уже приказал приготовить для тебя комнату. Иди, переоденься, выпей чаю, протрезвей.

Но Сюй Чуню было не по себе. Боясь, что Шэн Чанчжоу заметит его подавленное состояние, он с улыбкой ответил:

— Я вчера так спешил, что не успел закончить дела в книжной лавке. Я лучше вернусь, закончу их, а потом доложу матушке. Ты, двоюродный брат, сегодня тоже устал, занимаясь пиром. Отдохни здесь, а завтра поедешь в город.

Шэн Чанчжоу не стал настаивать, лишь дал наставления четырём слугам — Чуньси, Сячао, Цюху и Дунхаю, распорядился насчёт управляющего, кареты и лошадей и велел в целости и сохранности доставить молодого князя в город.

Вернувшись в город, Сюй Чунь отправился не домой, а в свой дом в квартале Бамбуковых Ветвей. Он достал из запасов вино и, в одиночестве попивая, смотрел на луну. Раньше я знал, что у меня и у отца дурная слава, но не думал, что так больно, когда эти поборники морали бросают тебе презрение в лицо. Мы с ними не одни, и не стоит пытаться с ними сблизиться. Пусть они будут своими чистыми чиновниками, а мы пойдём своей дорогой.

Только... Девятый братец, наверное, тоже так обо мне думает.

От этой мысли Сюй Чуню стало горько, и он выпил ещё несколько чаш.

Он и не подозревал, что неподалёку от него только что вернувшийся в город Шэнь Мэнчжэнь уже был схвачен людьми Су Хуая и доставлен во дворец. Там его напоили отваром для протрезвления, умыли и привели пред очи государя.

Шэнь Мэнчжэнь, впрочем, и не был пьян. Внезапный вызов во дворец мигом его отрезвил. Он поспешно поклонился.

— Встань, — сказал Се И. — Ты сегодня был на пиру. Выбрал ли себе ученика?

— Повинуясь вашему приказу, я наблюдал за учениками, — осмелев от выпитого, ответил Шэнь Мэнчжэнь. — И увидел, что наследник князя Цзин, Сюй Чунь, обладает природными дарованиями, хоть и необработанными. Он достоин наставничества.

Се И слегка улыбнулся. Шэнь Мэнчжэнь, увидев улыбку на лице государя, вздохнул с облегчением. Он угадал — речь шла не о Се Фэе.

— Вся столица знает о беспутном поведении молодого князя Сюя, — спросил Се И, — а ты не боишься?

— Я навёл справки, — ответил Шэнь Мэнчжэнь. — Хоть он и слывёт повесой и транжирой, но не совершал дурных поступков, не обижал ни мужчин, ни женщин. Единственный громкий случай — когда он пожертвовал десять тысяч лянов серебра, чтобы купить титул для матери. По сути, это можно считать проявлением сыновней почтительности. Мало ли в столице избалованных наследников? Я видел и в десять раз хуже. А вот то, что дурная слава резиденции князя Цзин так широко распространилась, наводит на мысль, что кто-то этому способствует.

Се И слегка кивнул.

— Я вернусь и передам князю Цзин, чтобы он готовился к церемонии принятия в ученики? — поклонился Шэнь Мэнчжэнь.

— Не нужно, — покачал головой Се И. — С этим повременим. А ты пока расскажи всё, что было сегодня на пиру, без утайки.

Шэнь Мэнчжэнь рассказал всё по порядку.

Видя, что император слушает с непроницаемым лицом, он волновался, особенно когда пересказывал слова Ли Мэйя. Он не смел ни прибавить, ни убавить, передал всё как было.

— А потом? — усмехнулся Се И. — Неужели мой вспыльчивый подданный Шэнь не возразил?

Шэнь Мэнчжэнь помедлил, но не посмел скрыть.

— Я возразил ему, что он лишь ищет славы, — уклончиво ответил он, — не ценит гостеприимства хозяина, отрёкся от родных и друзей, чтобы прослыть одиноким слугой государя, и всё это ради тщеславия и власти.

— Я знаю, ради чего он это делает, — равнодушно произнёс Се И. — Ради князя-регента.

Шэнь Мэнчжэнь низко опустил голову.

— Князь-регент умер молодым, упал с лошади на охоте. Ли Мэйя в юности был ему обязан и не верит, что это был несчастный случай. Он хочет докопаться до истины.

Шэнь Мэнчжэнь не смел больше говорить.

— Ли Мэйя — человек прямой, нетерпимый ко злу, деятельный и способный. Он — ценный слуга. Я не держу на него зла, и ты не держи. Благородные мужи могут расходиться во мнениях, но оставаться в согласии. Вы должны лишь преданно служить народу, помогать мне в управлении государством, и я буду ценить вас одинаково.

— Ваше Величество мудры, — с искренним восхищением поклонился Шэнь Мэнчжэнь.

— Наследник князя Цзин обладает талантом к экономике, — продолжил Се И, — но он молод и не получил должного образования. Его знаниям не хватает глубины. Я хочу развить его способности, поэтому и послал тебя сегодня понаблюдать за ним. Ты хоть и ведёшь себя порой легкомысленно, но в главном не отступаешь от долга. Несколько лет в Министерстве ритуалов, я думаю, научили тебя сдержанности. Ты, должно быть, осознал свои ошибки. Скоро из Министерства кадров придёт назначение. Ты станешь ректором Высшей школы, будешь наставлять учеников и отвечать на вопросы. Надеюсь, ты оставишь свои привычки повесы. Будучи учителем, нельзя вводить в заблуждение учеников.

Шэнь Мэнчжэнь снова поклонился, принимая назначение. Но про себя гадал: «Высшая школа? Неужели император хочет, чтобы наследник князя Цзин поступил в Высшую школу?» Но спросить не посмел и в сопровождении евнуха удалился.

— Узнай, — повернулся Се И к Фан Цзысину, — Сюй Чунь сегодня за городом или вернулся? Он в резиденции князя Цзин?

— Молодой господин Шэн остался в загородной усадьбе, чтобы всё прибрать, а молодой князь Сюй вернулся в свой дом в квартале Бамбуковых Ветвей.

— Принеси из хранилища академии Хунвэнь «Благовещих журавлей», — приказал Се И Су Хуаю. — Я выезжаю из дворца.

Су Хуай поспешно поклонился и приказал немедленно открыть хранилище и принести картину. Он взглянул на водяные часы — было уже около полуночи, дворцовые ворота давно закрыты. Впрочем, — подумал он, — когда этот государь обращал внимание на запреты? Если бы он не любил в одиночестве выезжать на конные прогулки, разве его смогли бы так легко ранить? Можно сказать, повезло, что молодой князь живёт близко.

Похоже, юноша сильно расстроен. Столько старался, принимал гостей, а в ответ получил лишь холодный упрёк и обвинения. Наверное, сейчас очень переживает. Нужно его утешить.

<http://bllate.org/book/16990/1586461>